

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, *Н. В. Гоголя* (новыя разнорѣчія изъ рукописей, найденныхъ въ Римѣ).
2. Письмо *Н. В. Гоголя* къ кн. П. А. Вяземскому.
3. Канцеляристъ, разсказъ *М. П. Загоскина*.
4. Письмо *В. А. Жуковскаго* о первомъ его представленіи къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.
5. Молитва въ саду Геосиманскомъ, стихотвореніе *П. С. Никитина*, съ разсказомъ изъ жизни его, *М. Ф. Де Пуле*.
6. О графинѣ Е. П. Растопчиной. *Н. В. П.*
7. Черты нравовъ XVIII вѣка (двѣ жало бы на А. П. Волынскаго и на архіепископа Варлаама Лещинскаго).
8. Случайные люди въ Россіи: П. И. Олицъ, гр. П. В. Завадовскій и графы Безбородки. Изъ *Гельбига*, въ переводѣ съ примѣчаніями *М. П. Лонгинова*.
9. Письма (10) гр. А. М. Дмитріева-Мамонова къ императрицѣ Екатери-нѣ II-й.
10. О Беніовскомъ на островѣ Мадагаскарѣ, замѣтка *К. П. Побѣдоносцева*.
11. Замѣтки о Чернышевыхъ и на статьи Р. Архива. Подлинныя анекдоты кн. П. В. Репнина, *М. П. Лонгинова*.
12. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, рас-пространенныхъ въ Россіи Наполео-номъ Бонапартомъ. Историческія пока-занія генерала-маіора *П. П. Липранди*.
13. Еще разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи (1762).
14. Гоголь въ Римѣ. (Изъ записокъ *М. П. Погодина*. 1839).
15. Письмо вице-канцлера кн. А. М. Го-лицына къ Н. К. Хотинскому.
16. Новыя иностранныя книги о Россіи.

 МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1865.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ.

О жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 году.

Въ мартѣ пріѣхалъ я въ Римъ. Тамъ жилъ уже два года Шевыревъ, получившій отпускъ для возстановленія здоровья, которое разстроилось пятилѣтними неуспынными трудами въ университетѣ. Тамъ водворился и Гоголь, бѣжавшій изъ Петербурга послѣ разныхъ неудовольствій и досадъ при представленіи и напечатаніи Ревизора. Я тотчасъ отправился отыскивать его.

Онъ жилъ на *Via felice, numero centum venti sei*, въ четвертомъ этажѣ. Взобравшись къ нему по широкой лѣстницѣ, отворяю дверь и въ эту самую минуту — вижу — онъ изъ окна выплескиваетъ что-то на улицу изъ огромнаго сосуда, цѣлымъ потокомъ. Я такъ и обмеръ. Помилуй, — что ты дѣлаешь? „На счастливаго“, отвѣчаетъ онъ пресерьезно бросаясь меня обнимать. Разумѣется, увидя такую простоту нравовъ, я никогда ужъ не ходилъ въ Римъ около домовъ, чтобъ не быть окачену или осчастливлену подобнымъ счастьемъ, а выбиралъ всегда дорогу по среднѣй улицѣ.

Гоголь управлялъ совершенно домомъ, гдѣ жилъ, извѣстный подъ именемъ *Signore Nicolo*: назначилъ тотчасъ помѣщеніе мнѣ съ женою подлѣ своей комнаты, черезъ темную залу, и предписалъ хозяйину условія, противъ которыхъ тотъ не осмѣливался произнести ни одного слова, приговаривая только въ полголоса, съ низкими поклонами: *si, signore, si, signore!*

Первою заботою Гоголь почелъ устроить утреннее чаепитіе. Запасъ отличнаго чаю у него никогда не переводился, но главнымъ дѣломъ для него было набирать различныя печенья къ чаю. И гдѣ онъ отыскивалъ всякіе крендельки, булочки, сухарики, — это уже только зналъ онъ, и никто болѣе. Всякой день являлось что-

нибудь новое, которое онъ давалъ сперва всѣмъ отвѣдывать, и очень былъ радъ, если кто находилъ по вкусу, и одобрялъ выборъ какою-нибудь особенною фразою. Ничѣмъ болѣе нельзя было сдѣлать ему удовольствія.

У самаго папы и кардинала Ламбрускини, который управлялъ тогда его дворомъ, не бывало, думаю, такого богатаго и вкуснаго завтрака, какъ у насъ. Дѣйствіе начиналось такъ. Приносился черномазоу, косматою Нанною, — въ родѣ описанныхъ въ его превосходномъ отрывкѣ: *Римъ*, — ужасной величины мѣдный чайникъ съ кипяченою водою. Гоголь обыкновенно начиналъ ругать Нанну за то и за другое, почему приноситъ она поздно, почему не вычистила ручки, не обтерла дна и проч. и проч.; та съ крикомъ оправдывалась, а онъ доказывалъ, съ разными характеристическими пантомимами съ обѣихъ сторонъ. Цѣлая драма! Да полно! заключалъ я обыкновенно, вода простынетъ! Гоголь опомнивается, и начинаются наливанья, разливанья, смакованья, подчиванья и обливанья. Ближе часа никогда нельзя было управиться съ чаемъ. Довольно, довольно, пора идти. — Погодите, погодите, успѣемъ. Еще по чашечкѣ, а вотъ эти дьяволенки — отвѣдайте — какіе вкусные! Просто — икра зернистая, конфеты!

Всякой день выходъ былъ рѣшаемъ уже послѣ многихъ толковъ и споровъ. Планъ осмотровъ написалъ для меня Шевыревъ. Онъ помогъ и Гоголю на первыхъ порахъ познакомиться съ Римомъ, который извѣстенъ былъ Шевыреву какъ свои пять пальцевъ, какъ намъ Москвичамъ извѣстенъ Кремль, или Петербуржцамъ Невскій проспектъ. Шевыревъ перечелъ всѣ изслѣдованія, провѣрилъ, изучилъ всѣ мнѣнія и споры, по источникамъ и по натурѣ, еще въ первое свое тамъ пребываніе, и, пріѣхавъ въ другой разъ, только что дополнилъ и освѣжилъ ихъ, и сдѣлался отлич-

нимъ сіеюгопе, не уступая никакому Нибби. Но Гоголю непременно хотѣлось дѣлать всегда хоть что-нибудь по своему. Шевыревъ дорожилъ болѣе всего точностію, порядкомъ, полнотою, а Гоголь хотѣлъ удивлять сюрпризами, чтобъ никто не зналъ заранѣе ничего. Шевыреву принадлежала наука и знаніе, Гоголю—воображеніе и оригинальность, которая не оставляла его ни въ чемъ, въ важныхъ дѣлахъ, какъ и мелочахъ. Онъ выбиралъ время, часъ, погоду, — свѣтитъ ли солнце или пасмурно на дворѣ, и множество другихъ обстоятельствъ, чтобъ показать нынче то, а не это, а завтра наоборотъ. Привелъ, на примѣръ, онъ насъ въ первый разъ въ храмъ св. Петра, и вотъ какъ вздумалъ дать понятіе объ огромности зданія. „Зажмурь глаза“, сказалъ онъ мнѣ, въ дверяхъ, и повелъ меня за руку. Остановились спиною къ простѣнку. — „Открой глаза. Ну, видишь, напротивъ, мраморныхъ ангельчиковъ подъ чашею?“ — Вижу. — „Каковы—велики? Ну такъ оборотись“. Я оборотился къ простѣнку, у котораго стоялъ, и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ нимъ, двухъ, почти колоссальныхъ. Такъ велико между ними разстояніе въ промежуткѣ: огромныя фигуры издали кажутся только посредственными.

Читатели могутъ быть увѣрены, что я помню Крыловскаго путешественника и рассказъ его о Римскихъ огурцахъ.

Въ другой разъ повелъ онъ насъ, молча, Богъ знаетъ по какимъ переулкамъ, и кажется, нарочно выбиралъ самые дурные и кривые, чтобъ пройти какъ можно дальше и неудобнѣе. Конца, кажется, не было этому лабиринту. Да куда же ты ведешь насъ? спросилъ я его съ нетерпѣніемъ. „Молчи, отвѣчалъ онъ съ досадою, погруженный какъ будто въ размышленіе, узнаешь послѣ“. Наконецъ мы выходимъ на площадь. Передъ нами открылась вдали широкая каменная лѣст-

ница, на верху по бокамъ ея два огромные коня, которыхъ подъ устцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. Въ глубинѣ обширное зданіе съ высокой каланчею. „Ну видишь молодецъ?“ спросилъ мой чудакъ. — Вижу. Да, что же это такое? „Хороши“. Между тѣмъ мы приблизились. „Это древнія статуи Диоскуровъ, изъ театра Помпеева. А это Маркъ Аврелій на конѣ. А это *Капитолій*!“

Капитолій — можно себя представить, какое впечатлѣніе производило такое полновѣсное слово.

Но было мнѣ и много досады съ Гоголемъ, точно какъ и съ Шевыревымъ. Это двѣ крайности. Гоголь никогда не могъ поспѣть никуда къ назначенному сроку и всегда опаздывалъ, а Шевыревъ хотѣлъ явиться вездѣ чуть ли не накануне. Гоголя нельзя было вытащить никуда иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ жаркихъ приступовъ, а Шевыревъ напротивъ самъ приступалъ съ позаранку, и ничего не давалъ дѣлать за нѣсколько часовъ до предполагаемаго дѣла. По дорогамъ ѣхать съ чими новые хлопоты и досады. Въ Италіи господствовала въ то время система паспортовъ. *Gli passaporti*, слышалось на всякомъ, кажется, перекресткѣ. Шевыревъ и не клалъ уже паспорта въ карманъ, а показывалъ его всякому встрѣчному и поперечному, хоть бы кто его и не спрашивалъ. Гоголь ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ никому показывать своего паспорта, и его надо было клещами вытаскивать изъ его кармана. Онъ увѣрялъ меня даже, что когда ѣздитъ одинъ, то никогда не показываетъ паспорта никому по всей Европѣ подъ разными предлогами. Такъ и при насъ, не даетъ, да и только: начнетъ спорить, браниться, и смотря въ глаза полицейскому чиновнику примется по-русски ругать на чемъ свѣтъ стоитъ его, императора Австрійскаго, его министерство, всѣхъ гонфалоньеровъ и

подестъ, но такимъ тономъ, такимъ голо-сомъ, что полицейской думаетъ слышать извиненія, и повторяетъ тихо: *Signore, passaport!* Такъ онъ поступалъ, когда паспортъ у него въ карманѣ, и стоило только вынуть его, а это случалось очень рѣдко; теперь—представьте себѣ, что паспорта у него нѣтъ, что онъ засунулъ его куда-нибудь въ чемоданъ, въ книгу, въ карманъ. Онъ долженъ наконецъ искать его, потому что мы приступаемъ съ просьбами: надо ѣхать, а не пускаютъ. Онъ начнетъ бѣситься, рыться, не находя его нигдѣ, бросать все, что попадется подъ руку, и наконецъ найдя его тамъ, гдѣ нельзя и предполагать никакой бумаги, начнетъ ругать самый паспортъ, зачѣмъ онъ туда засунулся, и кричать полицейскому: на тебѣ паспортъ, ѣшь его, и проч., да назадъ взять не хочетъ. Преуморительныя были сцены. Кто помнитъ, какъ читалъ Гоголь свои комедіи, тотъ можетъ себѣ вообразить ихъ, и никто болѣе.

Читалъ Гоголь такъ, скажу здѣсь кстати, какъ едвали кто можетъ читать. Это былъ верхъ удивительнаго совершенства. Прекрасно нѣкоторыя вещи читалъ Щепкинъ, прекрасно читаютъ другія комическія вещи Садовскій, Писемскій, Островскій; но Гоголю всѣ они должны уступить. Скажу даже вотъ что: какъ ни отлично разыгрывались его комедіи, или вѣрнѣе сказать, какъ ни передавались превосходно иногда нѣкоторыя ихъ роли, но впечатлѣнія никогда не производили онъ на меня такого, какъ въ его чтеніи. Читалъ онъ однажды у меня, въ большомъ собраніи, свою Женитьбу, въ 1834 или 35 году. Когда дошло дѣло до любовнаго объясненія у жениха съ невѣстою.— въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье? какой цвѣтокъ больше любите?—прерываемаго троекратнымъ молчаніемъ, онъ такъ выражалъ это молчаніе, такъ оно показывалось на его лицѣ и въ глазахъ, что всѣ слушатели *à la lettre* по-

катывались со смѣху, и долго не могли придти въ себя, а онъ какъ ни въ чемъ не бывалый, молчалъ и поводилъ только глазами.

Разскажу еще кстати одинъ анекдотъ о Гоголѣ. Послѣ чаю онъ обыкновенно водилъ насъ по Риму, и къ двумъ часамъ приводилъ въ гостиницу Лепри на Корсо или къ *Scalinata*, близъ *Piazza di Spagna*, обѣдать; но самъ никогда ничего не ѣлъ, говоря, что не имѣетъ аппетита, и что только часамъ къ шести можетъ что-нибудь проглотить. Тамъ онъ оставлялъ насъ, и мы послѣ обѣда или шли къ Шевыреву, или къ учителю, который давалъ намъ итальянскіе уроки. Такъ продолжалось недѣли двѣ. Однажды вечеромъ встрѣтился я у княгини Волконской съ Бруни, и разговорился о Гоголѣ. Какъ жаль, сказалъ я, что здоровье его такъ медленно поправляется.—Да чѣмъ же онъ боленъ? спрашиваетъ меня съ удивленіемъ Бруни.—Какъ чѣмъ, отвѣчаю я, развѣ вы не знаете? У него желудокъ разстроенъ; онъ не можетъ ѣсть ничего.—Какъ не можетъ, что вы говорите? воскликнулъ Бруни, захохотавъ изо всѣхъ силъ;— да мы ходимъ нарочно смотрѣть на него иногда за обѣдомъ, чтобъ возбуждать въ себѣ аппетитъ: онъ ѣсть за четверыхъ. Приходите, когда угодно, около 6 часовъ къ Фалькони.

Отправились мы гурьбой на другой день къ Фалькони. Это была маленькая, тѣсненькая тратторія, въ захолустѣ, въ родѣ нашихъ харчевенъ, и, надо отдать справедливость, если и почище, то не много. Но не красна изба углами, а красна пирогами, говоритъ пословица. Г. Фалькони славился отличною, свѣжею провизіею. Мы пришли и заперлись на глухо въ одной каморкѣ подлѣ Гоголевой залы, сказавъ, что хотимъ попить особю, и спросили себѣ бутылку Дженсано. Къ 6 часамъ, слышимъ, дѣйствительно является Гоголь. Мы смотримъ черезъ

перегородку. Проворные мальчуганы, са-
тегіегі, привыкшіе къ нему, смотрятъ
въ глаза, и дожидаются его приказаній.
Онъ садится за столъ и приказываетъ:
Макаронъ, сыру, масла, уксусу, сахару,
горчицы, равіоли, броккалі... Мальчуганы
начинаютъ бѣгать и носить къ нему то
то, то другое. Гоголь, съ сіяющимъ ли-
цемъ, принимаетъ все изъ рукъ за
столомъ, въ полномъ удовольствіи, и рас-
поряжается: раскладываетъ передъ со-
бой всѣ припасы, — груды передъ нимъ
возвышаются всякой зелени, куча сткля-
нокъ съ свѣтлыми жидкостями, все въ
цвѣтахъ, лаврахъ и миртахъ. Вотъ при-
носятся макароны въ чашкѣ, открывает-
ся крышка, паръ повалилъ оттуда клу-
бомъ. Гоголь бросаетъ масло, которое тот-
часъ расплывается, посыпаетъ сыромъ,
становится въ позу, какъ жрецъ, готовя-
щійся совершать жертвоприношеніе, бер-
етъ ножикъ, и начинаетъ разрѣзывать...

Въ эту минуту наша дверь съ шу-
момъ растворяется. Съ хохотомъ мы
всѣ бѣжимъ къ Гоголю. Такъ-то, братъ,
восклицаю я, аппетитъ у тебя не хо-
рошъ, желудокъ разстроены? Для кого
же ты это все наготовилъ? — Гоголь
на минуту сконфузился, но потомъ тот-
часъ нашелся, и отвѣчалъ съ досадою:
„Ну что вы кричите, разумѣется у меня
аппетита настоящаго нѣтъ. Это аппетитъ
искусственный, я нарочно стараюсь воз-
будить его чѣмъ-нибудь, да чорта съ
два, возбужу, какъ бы не такъ! Буду ѣсть,
да нехотя, и все какъ будто ничего не
ѣлъ. Садитесь же лучше со мной; я васъ
угощу“. — Ну такъ угости — мы хоть и
пообѣдали, но твои искусственныя при-
готовленія такія аппетитныя... „Чего же
вы хотите? Ей камеріере, принеси“, — и
пошелъ, и пошелъ: *agro-dolce, di signo,*
pelustro, testa di suppa Inglese, mosca-
tello, и пр. и пр. Началось пированье,
очень веселое. Гоголь уписывалъ за чет-
верыхъ, и все доказывалъ, что это такъ,

что все это ничего не значить, и желу-
докъ у него разстроены.

Заключу мой отрывокъ стихами Шевы-
рева, который поднесъ ихъ Гоголю въ день
своего рожденія, 27 декабря, въ 1838
году, въ Римѣ, на виллѣ княгини Волкон-
ской, отдавая ему отъ имени друзей на-
рисованную сценическую маску. Эти
стихи, очень удавшіеся Шевыреву, по-
казываютъ, какъ рано и какъ высоко цѣ-
нимъ былъ гений Гоголевъ отъ всѣхъ лю-
дей къ нему близкихъ, вопреки толкамъ
Отечественныхъ Записокъ.

Что жъ дремлешь ты?—Смотри, передъ тобой
Лежитъ и ждетъ сценическая маска.
Ее покинулъ славный твой собратъ,
Еще теперь игривымъ, вольнымъ смѣхомъ
Волнующій Италію. Возьми
Ее—вглядишься въ шутивную улыбку
И въ честный видъ: ее носилъ Гольдони.
Она идетъ къ тебѣ: ея лица
Подвижными и бѣглыми чертами
Онъ смѣло выражалъ черты народа
Смѣшныя, всюду подбирая ихъ,
На улицахъ, на площадяхъ, въ кафе,
Гдѣ на распахну видѣнъ итальянецъ, —
Гдѣ мысль его свободна и рѣзва, —
И черезъ чистый смѣхъ, въ сердца гражданъ
Вливалось истины добро святое!
Ты на Руси ужъ началъ тотъ же подвигъ!
Скажи, поэтъ, когда уставъ отъ думъ
И полнъ завѣтныхъ впечатлѣній Рима,
Ты вечеромъ, въ часы сочувствій темныхъ,
Идешь домой: не слышишься ли тебѣ,
Не раздается ли въ душѣ твоей
Далекій, рѣзвый, сильный, добрый хохотъ
Съ бреговъ Невы, съ бреговъ Москвы родимой?
То хохотъ твой — веселья чудный пиръ,
Которымъ ты Россію угощаешь,
Добро великое посѣля въ ней,
Самъ удаляясь отъ названныхъ гостей.
Что жъ задремалъ?—Смотри, передъ тобой
Лежитъ и ждетъ сценическая маска...
Надѣнь ее—и долго не снимай,
И новый пиръ, пиръ Таіи задай,
Чтобы на немъ весь міръ захохоталъ,
Чтобы порокъ отъ маски задрожалъ ...
Но для друзей снями ее подь-часъ:
И безъ нея ты будешь милъ для насъ.

Въ Римѣ мы разстались. Я съ Шевыревымъ уѣхалъ въ Неаполь, а и въ Парижъ. Гоголь, выѣзжавшій по дорогѣ проводить насъ въ Чивита-Веккію, куда приставалъ нашъ пароходъ, — отправился послѣ въ Маріенбадъ, гдѣ долженъ былъ дожидаться меня. Въ Маріенбадъ произошла новая исторія. Гоголь занемогъ въ Марсели, но не хотѣлъ лечиться, а Иноземцевъ, который также былъ тогда въ Маріенбадъ, больной ипохондріей, не хотѣлъ лѣчить. Мнѣ надо было ихъ сводить и упрашивать, чтобъ одинъ рѣшился лечиться, а другой — лечить; но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Здѣсь скажу только, что въ Маріенбадъ былъ еще тогда извѣстный предприимчивый Д. Е. Бенардаки. Мы всѣ гуляли вмѣстѣ. Бенардаки, знающій Россію самымъ лучшимъ и короткимъ образомъ, бывшій на всѣхъ концахъ ея, рассказывалъ намъ множество разныхъ вещей, которыя и поступили въ матеріалы Мертвыхъ Душъ, а характеръ Костанжогло во 2-й части писанъ въ нѣкоторыхъ частяхъ прямо съ него. Здѣсь мы остановимся....

Февраля 7.
1865 г.
